

Е. ЧАРУШКИН

АРУЗЪЯ

Издательство «Малыш» · 1991

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва
1991

Рисунки
Е. Н. ЧАРУШИННЫХ

Е. ЧАРУШКИН

ЛЮБЯ

Издательство „МАЛЫШ“ Москва. 1997

ПОЧЕМУ ТЮПУ ПРОЗВАЛИ ТЮПОЙ

Когда Тюпа очень удивится или увидит непонятное и интересное, он двигает губами и «тюпает»: тюп-тюп-тюп-тюп...

Травка шевельнулась от ветра, пичужка пролетела, бабочка вспорхнула — Тюпа ползёт, подкрадывается поближе и тюпает: тюп-тюп-тюп-тюп... Схвачу! Словлю! Поймаю! Поиграю!

Вот почему Тюпу прозвали Тюпой.

Слышит Тюпа — кто-то тоненько посвистывает.

Видит — в крыжовнике, где погуще, кормятся серенькие
вертлявые пичужки-пенки, ищут, нет ли где мошки-бу-
кашки.

Ползёт Тюпа. Уж так таится, прячется. Даже не тюпа-
ет — боится спугнуть. Блиско-блиско подполз да как прыг-
нет — прыг! Как схватит... Да не схватил.

Не дорос ещё Тюпа птицу ловить.

Тюпа — ловкач неуклюжий.

О ТОМ, КАК ТЮПА СНОВА СДЕЛАЛСЯ МАЛЕНЬКИМ

Тюпу побили.

Это Непунька, Тюпкина мамка, его отшлёпала. Она его гонит. Мешает ей Тюпа. Сейчас ей не до него.

Непунька ждёт-пождёт — скоро ли у неё будут другие, новые маленькие сосунки.

Она и местечко приглядела — корзинку. Там она будет их кормить, песни петь.

Тюпа теперь её боится. И близко не подходит. Никому неохота ни за что получать шлепка.

У кошки обычай: маленького кормит, а взрослого гонит. Но у Непуньки-кошки новых сосунков отобрали.

Непунька ходит, котят ищет, зовёт. Молока у Непуньки много, а кормить некого.

Искала она их, искала и как-то невзначай увидела Тюпку. Он от неё в это время прятался, боялся трёпки.

И тут Непунька решила, что Тюпа — это не Тюпа, а её

новый маленький сосунок, который потерялся.

И обрадовалась Непунька, и мурлычет, и зовёт маленького, и хочет покормить, приласкать.

А Тюпа — учёный, он близко не подходит.

Его ещё вчера так «приласкали», до сих пор помнит.

А Непунька поёт: «Иди, не бойся, покормлю», — легла на бочок.

Молоко у Непуньки тёплое. Вкусное! Тюпка облизнулся. Он давно сам научился есть, а помнит. Но всё-таки к Непуньке не идёт.

Однако Непунька Тюпу уговорила.

Насосался Тюпа молочка — заснул.

И тут начались другие чудеса.

Ведь Тюпа взрослый. А для Непуньки он маленький.

Она перевернула Тюпку и моет его, вылизывает.

Тюпка проснулся, удивился — зачем это, для чего это — он сам может.

Хотел уйти. А Непунька уговаривает: «Лежи, ты маленький, запнёшься, потеряешься».

Песни пела-пела — и сама заснула.

Тут Тюпа выбрался из корзинки и занялся разными своими делами. То да сё.

Бабочек пошёл ловить. К воробью подкрадывается.

Проснулась Непунька. Ах, где же её Тюпонька? Потерялся!

Выбежала на двор, зовёт.

А Тюпа взобрался на крышу и там ползает, бегаёт — пугает какую-то пичужку.

Непунька скорее к нему:
— Не упади! Не свались!
А Тюпа не слушает.

Взяла Непунька Тюпку за шиворот и понесла, как маленького, с крыши. Тюпа отбивается, упирается, не желает с крыши идти.

Кое-как унесла его Непунька, вылизала, утомонила.

И долго Непунька не могла понять, что Тюпа уже взрослый и его не надо нянчить.

ПОЧЕМУ ТЮПА НЕ ЛОВИТ ПТИЦ

Видит Тюпа — недалеко от него сидит воробей и песни поёт-чирикает:

Чив-чив!

Чив-чив!

«Тюп-тюп-тюп-тюп,— заговорил Тюпа.— Схвачу! Словолю! Поймаю! Поиграю!»— и пополз к воробью.

Но его воробей сразу заметил — крикнул по-воробьиному:

«Чив! Чив! Разбойник ползёт! Вот он где прячется! Вот он где!»

И тут, откуда ни возьмись, со всех сторон налетели воробьи, расселись кто по кустам, кто и прямо на дорожке перед Тюпой.

И начали на Тюпу кричать:

Чив-чив!

Чив-чив!

Кричат, галдят, чирикают, ну никакого терпенья нет.

Испугался Тюпа — такого крику он ни разу не слышал — и ушёл от них поскорее.

А воробьи вдогонку ещё долго кричали.

Наверно, рассказывали друг другу, как Тюпа полз, прятался, хотел их словить и съесть.

И какие они, воробьи, храбрые, и как они Тюпку испугали.

Некого Тюпе ловить. Никто в лапы не даётся.

Влез Тюпа на деревцо, спрятался в ветках и поглядывает.

Но не охотник добычу увидел, а добыча охотника разыскала.

Видит Тюпа — он не один, на него какие-то птицы смотрят, не пенки-малышки, не крикуны-воробьишки, вот какие — самого Тюпы чуть поменьше. Это, наверно, дрозды искали местечко, где вить гнездо, и увидели какую-то непонятную зверюшку — Тюпку.

Тюпа обрадовался: «Вот интересно-то! Тюп-тюп-тюп-тюп! Кто это такие? Тюп-тюп-тюп-тюп! Схвачу! Тюп-тюп-тюп-тюп! Словлю! Тюп-тюп-тюп-тюп! Поймаю! Поиграю!»

Только не знает Тюпа, кого первого ловить.

Один дрозд сзади Тюпки сидит, другой перед Тюпкой — вот тут, совсем близко.

Тюпа то сюда, то туда повернётся — тюпает-тюпает. То на одного, то на другого посмотрит.

Отвернулся от одного — от того, кто был сзади, а другой — передний — как налетит на Тюпку да как клюнет его клювом. Тюпа сразу перестал тюпать.

Он понять не может. Что это такое?

Обидели его! Клюнули!

Спрыгнул Тюпа в кусты и ходу — где бы только спрятаться.

И если теперь Тюпа видит птицу, он никакого внимания на неё не обращает.

Вот почему Тюпа не ловит птиц.

ТОМКА

У охотника я увидел пёсика.

Он вот какой. Уши длинные, хвост короткий.

Охотник рассказал, какой пёсик понятливый, как на охоте помогает, и умный-то, и не грязнуля.

От этого пёсика, говорит, есть щенки.

Приходите — поглядите. И мы с ним пошли.

Щенки небольшие — только что научились ходить.

Который-то из них, думаю, мне будет помощник на охоте? Как узнать — кто толковый, а кто не годится?

Вот один щенок — ест да спит. Из него лентяй получится.

Вот злой щенок — сердитый. Рычит и со всеми лезет драться. И его не возьму — не люблю злых.

А вот ещё хуже — он тоже лезет ко всем, только не дерётся, а лижется. У такого и дичь-то могут отнять.

В это время у щенят чешутся зубы, и они любят что-нибудь погрызть. Один щенок грыз деревяшку. Я эту деревяшку отнял и спрятал от него. Почует он её или не почует?

Щенок начал искать. Других щенят всех обнюхал — не у них ли деревяшка. Нет, не нашёл. Ленивый спит, злой рычит, незлой злого лижет — уговаривает не сердиться.

И вот он стал нюхать, нюхать и пошёл к тому месту, куда я её спрятал. Почуял.

Я обрадовался. Ну, думаю, вот это охотник. От такого и дичь не спрячется.

Назвал его Томкой. И стал растить помощника.

КАК ТОМКА НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Мы пошли гулять и взяли с собой Томку.

Сунули его в портфель, чтобы он не устал.

Пришли к озеру, сели на берег и стали кидать камушки в воду — кто дальше бросит. А портфель с Томкой на траву положили. Вот он вылез из портфеля, увидал, как камушек плюхнулся в воду, и побежал.

Бежит Томка по песочку, косолапый, неуклюжий, ноги у него в песке так и заплетаются. Дошёл до воды, сунул

лапы в воду и на нас оглядывается.

— Иди, Томка, иди — не бойся, не потонешь!

Полез Томка в воду. Сначала по животик зашёл, потом по шею, а потом и весь окунулся. Только хвост-обрубочек торчит наружу. Повозился, повозился, да вдруг как выскочит — и давай кашлять, чихать, отфыркиваться. Видно, он дышать в воде вздумал, вода и попала ему в нос да в рот. Не достал камушка.

Тут мы взяли мячик и кинули его в озеро.

Томка любил играть с мячиком, это была его любимая игрушка. Шлёпнулся мяч в воду, покрутился и остановился. Лежит на воде, как на гладком полу.

Узнал Томка свою любимую игрушку и не стерпел — побежал в воду. Бежит, повизгивает.

Но теперь носом в воду не суётся.

Шёл, шёл, да так и поплыл. Доплыл до мячика, цап его в зубы и обратно к нам.

Вот так и научился плавать.

ТОМКА И КОРОВА

Когда Томка был совсем ещё небольшим щенком, я взял его с собой на охоту.

Пускай приучается.

Вот ходим мы с ним. Томка за бабочками, за стрекозами гоняется. Кузнечиков ловит. На птиц лает. Только никого поймать не может. Все улетают.

Бегал он, бегал — так уморился, что сунулся в кочку носом и заснул. Маленький ещё. А будить мне его жалко.

Прошло с полчаса. Прилетел шмель. Бунчит, летает над самым Томкиным ухом.

Проснулся Томка. Покрутился спроне, поглядел: кто это такой спать мешает? Шмеля он не заметил, а увидал корову и побежал к ней. А корова паслась

далеко—далеко и, должно
быть, показалась Томке
совсем маленькой, не
больше воробушка.

Бежит Томка корову загрызать, хвост кверху поднял —
никогда он ещё коров не видал. Подбежал поближе, а ко-

рова уж не с воробушка — с кошку ростом кажется. Тут
Томка немного потише побежал, а корова уж не с кошку,
а с козу выросла. Страшно стало Томке. Он близко не по-
дошёл и нюхает: что за зверь такой?

В это время шевельнулась корова — её, наверно, кто-то
укусил.

И побежал от неё Томка!

С тех пор он и близко к коровам не подходит.

ТОМКИНЫ СНЫ

Когда Томка спит, он лает во сне, повизгивает, а иной раз и лапками шевелит, будто он бежит куда-то.

Спрашивают у меня ребята:

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит!

— Он сны видит,— отвечаю.

— А какие?

— Да, наверно, какие-нибудь свои, собачьи сны, про охоту, про зверей, про птиц. Человеку таких снов не увидеть.

— Вот интересно-то!— говорят ребята.

Обступили они Томку, глядят, как он спит.

А Томка спал, спал и залаял тоненьким голоском.

Я и спрашиваю у ребят:
— Чего же это он во сне видит? Вам понятно?
— Понятно,— говорят ребята.— Это он зайчонка увидел небольшого.

Томка поспал ещё немного и лапками пошевелил.

— Вот,— говорят ребята,— это Томка побежал.

— За кем побежал?

— Да не за кем, а от козы. Он её увидел, а она бодается.

Тут Томка зарычал, залаял.

— Проснись!— закричали ребята.— Проснись, Томка! Ведь он тебя сейчас съест!

— Кто,— спрашиваю,— съест?

— Медведь! Томка с ним подраться хочет. Медведь-то вон какой страшный! Томке с ним не справиться.

РЯБЧОНОК

Взял я как-то корзину и пошёл в лес по грибы.

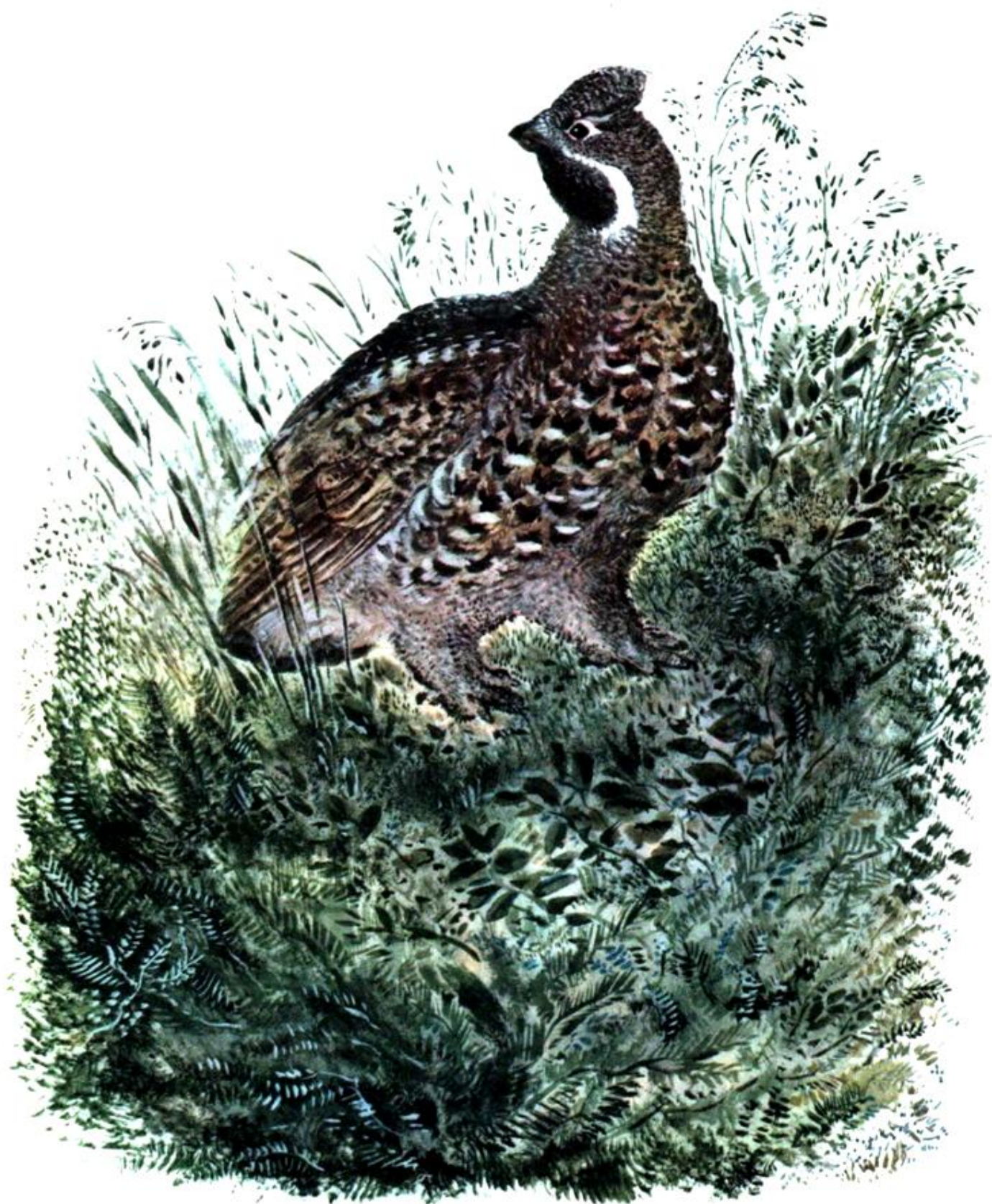
И Томка со мной побежал.

И вот, не дошли мы ещё до леса, как Томка закрутился, завертелся на одном месте около ёлки — стал принюхиваться. И вдруг совсем близко от нас кто-то захлопал крыльями.

Посмотрели мы за куст, а там ходит какая-то удивительная курочка, ходит и на нас глядит. Пёстренькая такая, мохнатые лапки, а на голове чёрный хохолок.

Вдруг курочка поползла по земле, потом встала столбиком, шею вытянула и ещё похлопала крыльями. Похлопала, взъерошилась вся и поскакала куда-то вбок.

Это она хитрит. Томку от цыплят отводит.

А Томка как увидал рябчиху, так сразу и кинулся за ней. Рябчиха прихрамывает, подлётывает, еле бежит, будто она совсем больная. Притворяется.

А Томка и рад: визжит, лает, вот-вот догонит рябчиху, вот-вот за хвост её схватит! Глупый Томка.

Увела его рябчиха далеко-далеко и потом, видно, села на дерево. Слышу, Томка лает на одном месте.

Приподнял я с земли прелую еловую ветку и вижу — какой-то гриб-поганка торчит на тонкой ножке.

А под поганкой рябчонок сидит. Спрятался и глаза закрыл.

Я цап его рукой и словил. Готово! Попался, маленький!

А, вот он какой! Совсем как настоящий цыплёнок. Только поменьше да весь полосатый и пятнистый. Это для того, чтобы легче было прятаться.

Ещё пуховый, а на крыльшках перья — значит, уже летает.

Я разжал руку, а рябчонок сидит у меня на ладони и не двигается — боится.

Тут я немного его подкинул, он и полетел.

Пролетел шагов пять, сел на землю, да и с глаз пропал — то ли в яму сунулся, то ли под какой-нибудь листочек залез или просто прижался к земле. Только сразу потерялся.

Ну и ловко прячутся эти рябчата!

А глупого Томку рябчиха ещё долго обманывала, от дерева к дереву водила. И так далеко увела, что Томка чуть не заблудился.

Но вот вернулся Томка, усталый, пыхтит.

Лёг и заснул.

Прошло немного времени. Неслышно откуда-то появилась рябчиха, и из-под шишки, из-за какого-то бугорка, из-под травки выскочили рябчата-цыплята.

И когда Томка проснулся, я его увёл с этого места. Рябчат пугать да рябчиху гонять без толку не надо.

КАК ТОМКА НЕ ПОКАЗАЛСЯ ГЛУПЫМ

Томка не любит, когда над ним смеются,— обидится, отвернётся.

А потом он научился делать вид, что не над ним смеются, а над кем-то другим.

Как-то заметил Томка курочку с цыплятами. Идёт поближе — хочет понюхать.

А курочка как закричит, как прыгнет на Томку и поехала на нём.

Едет, клюёт Томку и кричит.

Так и слышно, как она выговаривает:

— Ах ты, такой-сякой, невоспитанный! Вот я тебя! Вот я тебя! Не смей к цыплятам подходить!

Томка обиделся, но не захотел показаться смешным и сразу сделал вид, что никто его не клюёт, никто на него не кричит. И тогда курочка соскочила с него и вернулась к цыплятам.

МЕДВЕЖАТА

Есть такая деревня, называется Малые Сосны. Малые не потому, что сосны в лесу невелики, а потому, что ближняя деревня зовётся Большие Сосны. В отличие, значит, от той.

В самом непроходимом лесу эти Малые Сосны. Дремучий кругом лес. Ели мхом обросли. Сосны в самом небе ветви раскинули. Осинник в сырых местах, как частокол, наставлен. И вся чаща в трухлявой валежине, в сырости. Не продерёшься через неё. Только лосям длинноногим и ходить тут, через валежник перешагивать.

Принесли охотники после охоты из лесу двух медвежат. Принесли их в деревню, к Прасковье Ивановне в избу, сунули под лавку. Там и стали они жить.

Прасковья Ивановна сама им соски сделала. Взяла две бутылки, тёплого молочка налила и тряпочками заткнула.

Вот и лежат медвежата с бутылками. Спят, посасывают молоко, причмокивают и растут понемногу.

Сначала с тулупа не слезали, а потом и по избе стали ползать, ковылять, кататься — всё подальше да подальше.

Благополучно растут медвежата, ничего себе.

Только раз медвежонок один чуть не помер с перепугу — кур принесли в избу. Мороз был на дворе такой, что вороны на лету замерзали, — вот кур и принесли, чтоб от холода упрятать. А медвежишка выкатился из-под лавки на них посмотреть. Тут петух на него и наскочил. И давай трепать. Да как трепал! И крыльями бил, и клювом, и шпорами порол.

Медвежишка, бедняга, орёт, не знает, что ему и делать, как спастись. Лапами, как человек, глаза закрывает и орёт. Еле его спасли. Еле от петуха отняли. На руки взяли, а петух кверху прыгает. Как собака какая. Ещё долбануть хочет.

Дня три после того не сходил с тулупа медвежишка. Думали, уж не подох ли. Да ничего — сошло.

К весне подросли, окрепли медвежата.

А летом уж куда больше кошки стали — с маленькую собаку.

Такие озорники выросли. То горшок на столе опрокинут, то ухват спрячут, то из подушки перо выпустят. И под ногами всё вертятся, мешают хозяйке Прасковье Ивановне.

Стала она их гнать из избы: «Играйте, мол, на улице. Озоруйте там, сколько влезет. На улице большой беды вам не натворить. А от собак лапами отмашетесь или залезете куда повыше».

Живут медвежата целый день на воле. В лес бежать и не думают. Им Прасковья Ивановна стала как мать-медведица, а изба — берлогой. Если обидит или напугает их кто-

нибудь, они сейчас в избу — и прямо к себе под лавку, на тулуп.

Хозяйка спрашивает:

— Вы что там, озорники, опять наделали?

А они молчат, конечно, — сказать не умеют, только друг за друга прячутся да глазами коричневыми хитро посматривают.

Шлёпнет их хорошенько Прасковья Ивановна, знает уж: что-нибудь да натворили. И верно.

Часа не пройдёт — стучатся в окно соседи, жалуются:
— Твои, Ивановна, звери всех цыплят у меня разогнали, по всей деревне собирай их теперь.

Или ещё:

— Овцы в хлев не идут, боятся. Это мишки твои овечек напугали.

Взмолится хозяйка:

— Да скоро ли их от меня кто возьмёт? Нету у меня с ними терпенья.

А в город не так-то легко выбраться. Ехать надо километров шестьдесят.

Если весной ехать — распутица не пускает: не дороги, а реки грязевые. А летом работа держит — тоже не уедешь. Так и живут медвежата.

Пришёл я как-то в Малые Сосны охотиться. Сказали мне, что мишки тут есть. Я и пошёл их поглядеть.

Спрашиваю хозяйку Прасковью Ивановну:

— Где твои медвежата?

— Да на воле, — говорит, — балуются.

Выхожу на двор, смотрю во все углы — нет никого.

И вдруг — ох ты! — у меня перед самым носом кирпич летит.

Бац! С крыши свалился.

Отскочил я, гляжу на крышу. Ага! Вон где они сидят! Сидят мишки, делом заняты, разбирают трубу по кирпичику — отвалят кирпич и спустят его по наклону, по тесовой крыше. Ползёт кирпич вниз и шуршит. А медвежата голову набок наклонят и слушают, как шуршит. Нравится им это. Один медвежонок даже язык высунул от такого удовольствия.

Я скорей в избу — спасай, мол, Прасковья Ивановна, трубу-то!

Прогнала она их с крыши и нашлёпала хорошенько.

А в тот же день вечером пришли к ней соседи и тоже жалуются: мишки у трёх домов трубы разобрали, а ещё и в трубы кирпичей навалили. Стали хозяйки днём печи топить, а дым не идёт куда надо, назад в избу валом валит.

Уж ничего не сказала Прасковья Ивановна, а только заплакала.

А как собрался я уходить с охоты, стала она меня просить:

— Сделай, — говорит, — милость, увези хулиганов моих. Сам видишь, каково мне с ними. Пока маленькие были — ребята как ребята. А теперь гляди, что выросло.

Взял я медвежат и повёл в город. Километра два на верёвочке вёл, а до леса дошёл — снял верёвочку. Они леса-то сами боятся, жмутся ко мне, отстать не хотят.

Лес им чужой, страшный.

Так двое суток мы с ними шли. Дошли до города. Тут я их опять на верёвочке повёл.

Собак столько набежало, ребяташек,— да и взрослые тоже останавливаются, смотрят.

Отдал я моих малососенских хулиганов в зоосад, а оттуда их прямо за границу отправили. Обменяли на зебру полосатую — африканскую лошадь.

ЗАХОЧЕШЬ ЕСТЬ — ГОВОРИТЬ НАУЧИШЬСЯ

У Ани скворка. Аня — художник и очень любит пичужек. Все это знают и несут к ней разную живность: то галчонка, то сорочонка. Принесли как-то и скворку.

А скворец ещё не настоящий. Он и летать не может, и есть не научился. Крылышки у него растопырки-коротышки. Клюв жёлтый. Он клюв разевает, крылышками разводит и покрикивает — просит положить в клюв еду. А проглотить-то он сам проглотит.

Аня его кормит и приговаривает:

— Кушать! Кушать!

Накормит и пойдёт работать.

Только начнёт — слышит, скворка опять кричит, зовёт. Снова есть хочет.

— Ты злодей,— говорит Аня.— Ты мне работать не даёшь. Мне некогда. Обжора ты! Злодей!

Кормила так Аня скворку, то ласково приговаривала: «Кушать, кушать», то сердилась: «Злодей ты, скворка!»

И скворка научился говорить.

Подошла как-то Аня к нему с кормом.

А скворка сказал:

— Кушать! Кушать!

Вот Аня удивилась!

И с тех пор он по-скворчиному перестал кричать, а как захочет есть — говорит:

— Кушать! Кушать!

И если долго еду не дают, сердится и кричит:

— Злодей! Злодей!

Аня работает у окна, а скворка вертится около. Смотрит, что она делает; то краску клюнет, то карандаш у Ани хочет отобрать — мешает.

Аня открыла окно и говорит:

— Иди погуляй.

Скворка на двор и вылетел.

Аня работает, а сама поглядывает, что он там будет делать.

На дворе много интересного.

Услыхал скворка — кто-то чирикает. Это воробьях воробьишку кормит. И он тоже захотел есть.

Прилетел к воробьяхе. Крылья растопырил, клюв открыл и говорит:

— Кушать! Кушать!

А воробьяха его клюнула и улетела.

Видит скворец: соседский кот Валерка идёт. Он к нему. Скачет перед ним — требует:

— Кушать! Кушать!
А этого Валерку недавно побили за то, что он гонялся за дыпятами. Он сейчас на птиц и смотреть не хочет. Тогда подскочил скворка к собаке.
Спит пёс, похрапывает.
Перед ним плошка с едой, а по плошке мухи ходят. А скворка мух ловить ещё не научился, и еда собачья тоже не годится.
Уселся он у самого собачьего носа и говорит:
— Кушать! Кушать!
Долго пёс не просыпался, а как проснулся — залаял. Испугался скворка.
Летит от него и кричит:
— Злодей! Злодей!
К Ане приходили соседи, принесли скворке корм. Удивлялись, что птица говорит.

Вот приходит к ней как-то соседка.
— Где,— говорит,— ваш скворец? Я ему вкусенького принесла.

Аня зовёт:

— Ты где? Кушать! Кушать!

Скворца нигде нет.

Начали искать— не нашли.

А было вот как.

Пошёл дождь. Из-под тучки ветер налетел. Скворка в это время ходил по двору. Закрутились щепки да пыль около него. Скворка испугался и полетел. Не домой, не к соседям, не в лес, а сам не знает куда. Опустился он на какую-то тропинку. И, наверно, он совсем бы потерялся, если бы его не нашёл чужой человек.

Шёл по тропинке прохожий. Видит: сидит скворец на дороге и не боится. Совсем близко подпускает.

Прохожий думает: «Словлю его, принесу домой, посажу в клетку, пусть поёт».

А скворец взлетел и к нему на шляпу сел. Прохожий хватя его рукой и держит.

А скворец-то у него вдруг закричал:

— Ты злодей! Ты злодей!

Испугался прохожий, разжал руку, отпустил скворку.

Пришёл домой, всем рассказывает: вот какие чудеса — птица говорит.

А соседи это услышали, сказали Ане.

И вместе с ней пошли птицу искать.

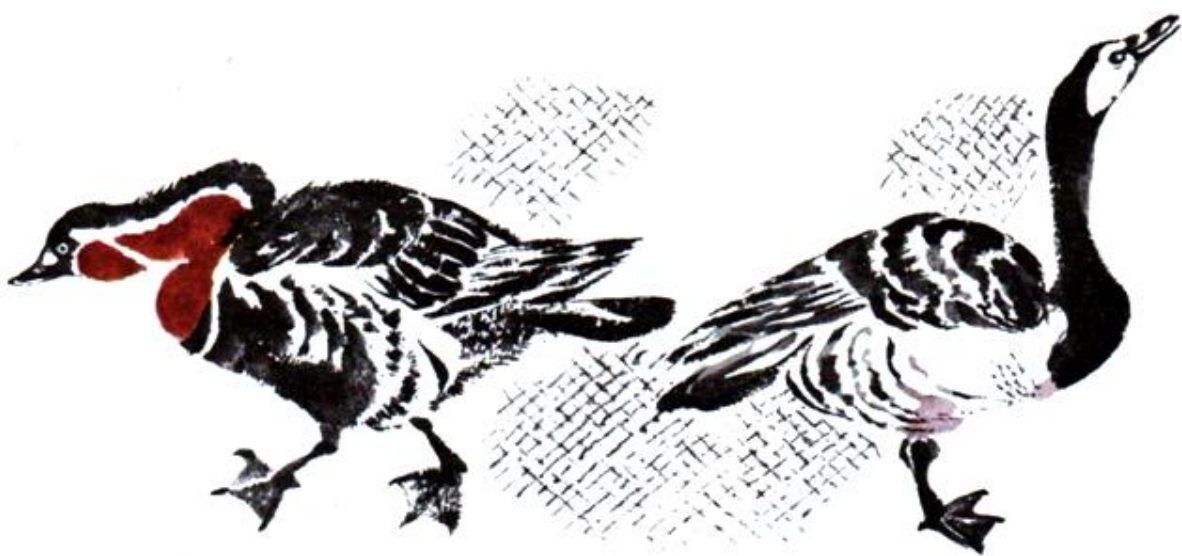
Скворка, как увидел Аню, прилетел к ней и закричал:

— Ты злодей! Ты злодей!

— Да не «злодей» надо говорить,— сказала Аня,— а «кушать»!

ПТИЧЬЕ ОЗЕРО

В Московском зоопарке две территории — старая и новая. Новая через улицу от старой.

Я сначала даже не понимал, что за «территории» такие в зоопарке.

Пришёл я как-то раз уток смотреть, а мне говорят:

— Идите на новую территорию! Там интереснее. Вот она. Через улицу перейдите.

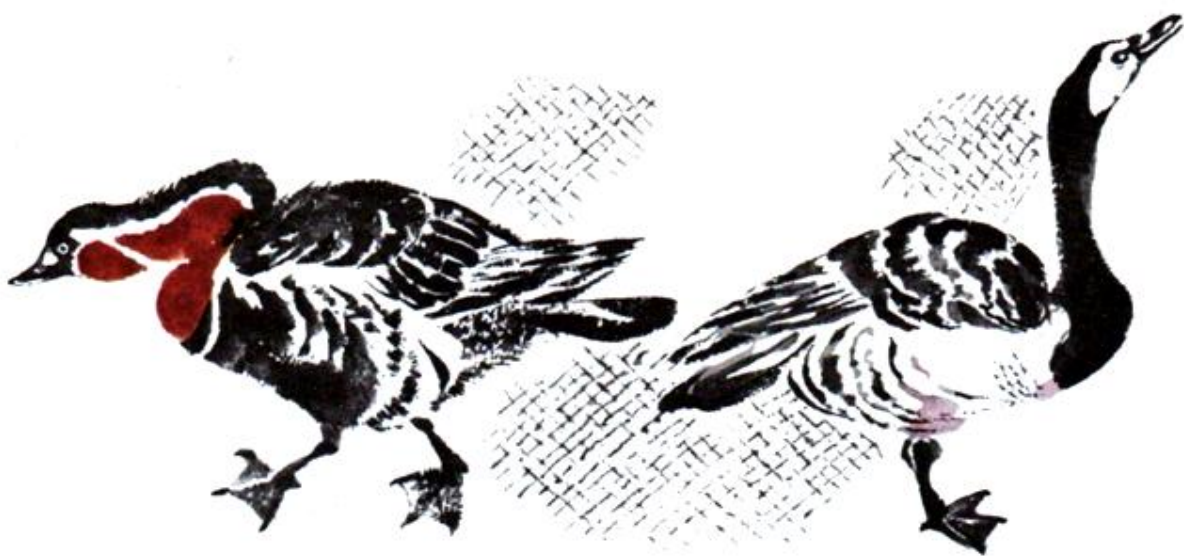
Я перешёл.

Оказывается, новая территория — это просто-напросто новое место.

На старом месте Московскому зоопарку тесно стало. Он и перескочил через улицу. Новые места занял. А улица бойкая. Тут и трамвай звонит, и автомобиль рывкает. Только не дома по сторонам тянутся, а длинный забор, из-за которого ничего не видать, а так — вроде деревянной решётки.

За решёткой — озеро.

А на озере и утки, и гуси, и бакланы, и нырки, и всякая водяная птица.

ПТИЧЬЕ ОЗЕРО

В Московском зоопарке две территории — старая и новая. Новая через улицу от старой.

Я сначала даже не понимал, что за «территории» такие в зоопарке.

Пришёл я как-то раз уток смотреть, а мне говорят:

— Идите на новую территорию! Там интереснее. Вот она. Через улицу перейдите.

Я перешёл.

Оказывается, новая территория — это просто-напросто новое место.

На старом месте Московскому зоопарку тесно стало. Он и перескочил через улицу. Новые места занял. А улица бойкая. Тут и трамвай звонит, и автомобиль рывкает. Только не дома по сторонам тянутся, а длинный забор, из-за которого ничего не видать, а так — вроде деревянной решётки.

За решёткой — озеро.

А на озере и утки, и гуси, и бакланы, и нырки, и всякая водяная птица.

Купаются, ныряют, отряхиваются, кричат. Хорошо им: воды много.

Вот гуси плывут. Стройные, перо к перу. Шея длинная, голова маленькая. Гогочут, ныряют, только плохо ныряют, просто окунаются. Очень у них мяса много, пера, пуха — вода их и выпирает вверх.

А вот баклан нырнул — это другое дело. Сидел себе, сидел на гнезде, а гнездо у него — просто тумба из воды торчит, и на тумбе куча хворосту. Сидел себе на гнезде — и бух в воду. Поплыл, как морской пароход. Клюв кверху трубой торчит, и волны по воде.

А потом — раз! И нет баклана.

Смотрю я, смотрю, где-то вынырнет. А он через всё озеро махнул. На самом дальнем конце пароходом плывёт, лысух с пути гонит.

Лысухи — водяные куры — гребут, удирают. Головы у них дёргаются, взад-вперёд, взад-вперёд, только лысины мелькают — белые пятна на голове.

И вдруг всё озеро полетело. Все птицы с воды снялись.

Загалдели гоголи, кряквы, гуси, нырки. Брызги дождём сыплются, крылья свистят.

Кто потяжелее, летать не может, пешком по озеру бежит, крыльями по воде хлопает.

А кто и ныром за всеми поспекает.

Всё озеро облетели птицы и уселись. А две кряковые утки до того разлетались, что взяли да и перемахнули через забор.

До свиданья, значит!

Через забор, а потом через всю Москву в лес и — прямо в болото камышовое.

Небось из какого-нибудь старого зоологического сада не улетели бы. Там все птицы были калеки. Посмотришь, бывало, — у кого обрубок крыла из перьев вылезает, йодом залит, у кого крыло вывернуто — вбок торчит. Тихая там была у птиц жизнь, как в больнице.

А здесь птицам — воля, хоть и не лес это, а зоопарк.
Вот вышли на бережок, на солнышко, дикие утки, привели своих утят погреться.

Дня три всего утятам.

Пуховые и маленькие-маленькие. Кажется, их обратно в яичную скорлупу ещё затолкать можно — войдут без остатка. А что мать делает, то и они. И на боку, как настоящие утки, лежат, и клювом перья себе правят (а перьев у них ещё нет — один пух), и ногами песок гребут, и

крыльями машут, хоть и не крылья у них, а крючочки какие-то в пуху.

Вдруг плюхнулось что-то в воду.

Брызги полетели.

Утят как ветром сдуло. Один унырнул, другой в ямку забился.

А это на воду сели кряковые утки. Те самые, что через забор улетели.

Чего же это они вернулись? Я уж думал, что они давно в болоте за городом. Непонятное дело. Надо спросить кого-нибудь.

А тут рядом со мною какие-то люди — мужчина и женщина — стояли.

Высматривали кого-то на озере.

Женщину-то я сразу узнал — недавно я видел, как она шакалят приручала.

Каждого трусливого пузатенького шакалёнка по очереди держала на руках.

Гладила, говорила что-то, к человеческому голосу приучала.

Значит, она здешняя, в зоопарке служит?

Я к ней подошёл.

— Почему,— спрашиваю,— у вас утки из зоопарка не улетают? Я вот видел — улетела пара через забор, а потом назад вернулась.

— Хорошо им тут — вот и не улетают. А если и улетят, так не далеко, через улицу, на старую территорию. Там они из чужих загоронок корм воруют, вместе с воробьями, у бегемота овёс пареный таскают, у слона в сенной трухе роются. Погостят — и обратно домой, к своим утятам.

Вдруг женщина закричала:

— Вон он! Вон он!

Смотрю я, а по воде будто маленький чёрный шарик в разные стороны перекачивается. От гуся к утке, от утки к лысухе — ко всем пристаёт.

Пищит-посвистывает.

Все его почему-то боятся.

Подкатится к гусю, гусь шею вытянет — и вбок. К утке подъедет, утка от него чуть не нырнёт со страху.

— Нельзя ему в ту сторону плыть! — говорит женщина. — Там баклан в гнезде сидит — проглотит его, дурака. Скорее ловить его надо.

Бросились мужчина с женщиной на ту сторону озера, куда нам, посетителям, ходу нет.

Бегут, торопятся, прямо по лужам шлёпают.

Потом оба на четвереньках поползли — будто кошки к мыши подкрадываются. Мужчина впереди ползёт. Вдруг он притаился, замер — и раз в воду. Поймал!

— Поймали? — спрашиваю.

— Поймали! — кричит.

— Кто же это такой?

— А лысушонок это. Первого птенца у нас лысуха вывела. Вот она, чёрная, лысая, — на тумбе сидит, другие яйца досиживает. А этот беспризорником пока болтается.

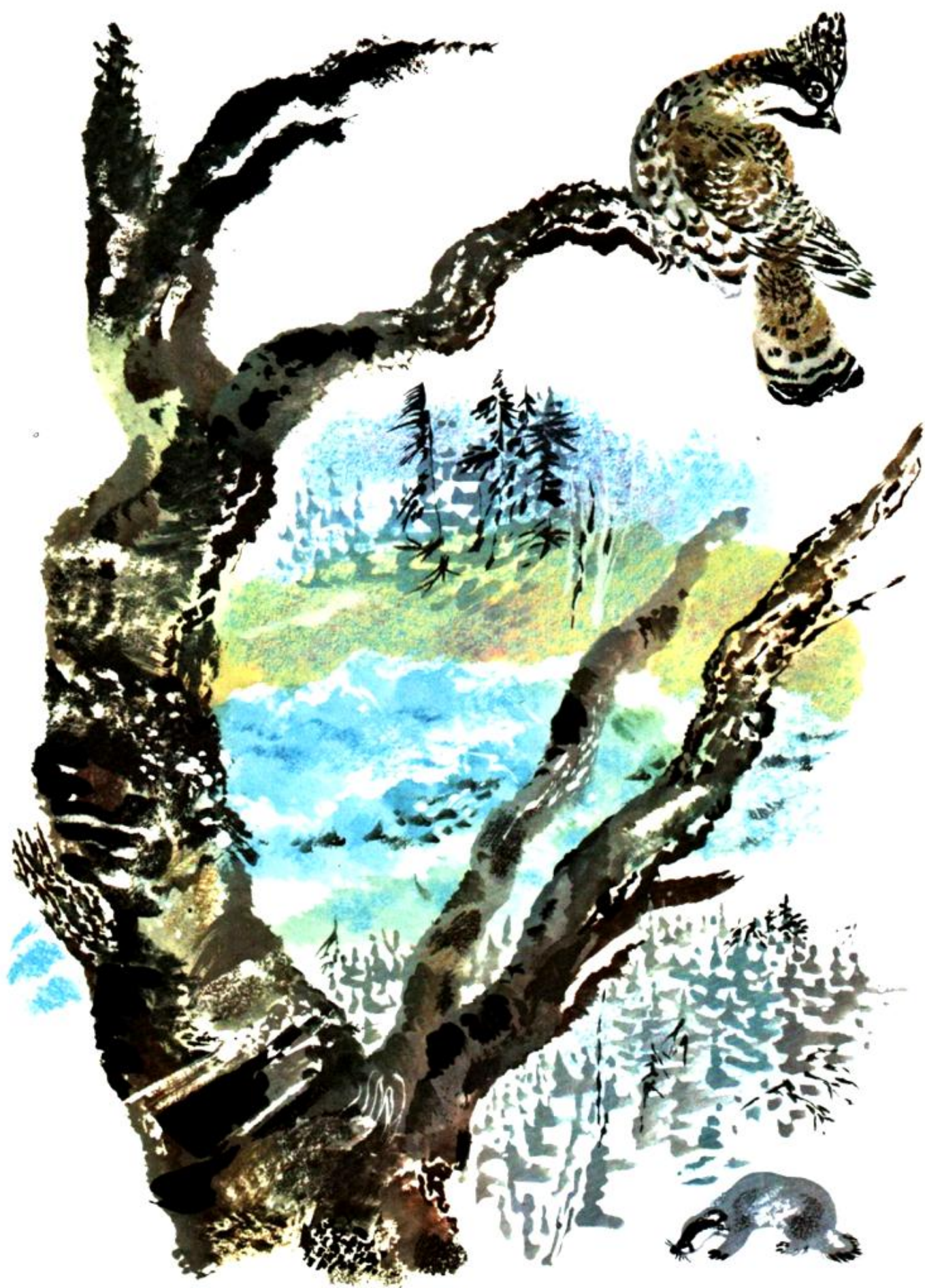
— Дайте, — говорю, — пожалуйста, мне его зарисовать.

— Рисуйте, да поскорее.

— Ах, — говорю, — у меня с собой красок нет.

— Ничего, нарисуйте, — а потом словами напишите, где у него какой цвет.

Я так и нарисовал. Вот он какой, лысушонок!

КАБАНЫ

Я рисую животных.

Рано... Часов в семь-восемь в зоосаду никого не бывает. Рисовать удобно. Никто через плечо не заглядывает, не спрашивает. Хорошо!

Только звери в клетках да я.

Рисую я оленя марала, Серёжку.

У него рога новые. Каждый год олени меняют рога.

Старые отваливаются, а новые вырастают, сначала мягкие, тёплые, живые — не рога, а кровяной какой-то студень в кожаном пушистом чехле.

Потом студень твердеет, становится настоящим рогом, а кожа отпадает.

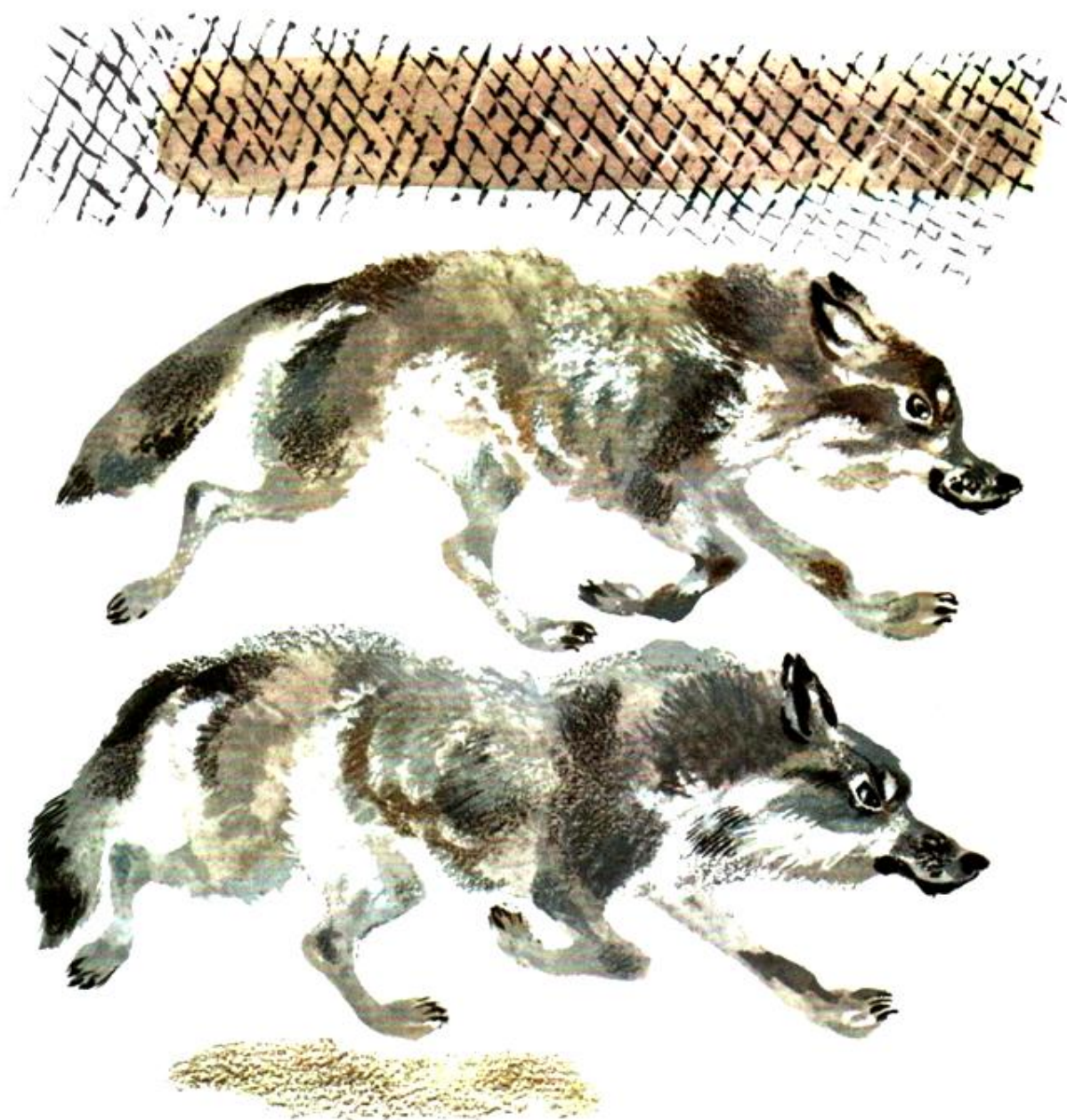

Сейчас у Серёжи на рогах кожа висит клочьями.
Утром все звери играют. Ягуар шар деревянный катает

в клетке. Гималайский медведь-губач стоит на голове. Днём, при народе, он за конфетку стоит, а сейчас сам забавляется.

Слон боком сторожа к стене придавил, метлу отнял и

съел. Волки по клетке бегают, кружат: в одну сторону — в другую, в одну — в другую, рысью, быстро.

В общей птичьей загородке танцуют журавли-красавки, подпрыгивают, вертятся.

А наш серый журавль их унимает. Баловства не любит. Чуть где-нибудь непорядок — суета или драка, — он, не торопясь, пришагает и ткнёт кого надо клювом. Начальник-птица! За это его и на птичьих дворах часто держат начальником.

У оленя Серёжки в рогах зуд. Он их чешет. Изгибается весь передо мной: то на меня бросится — пугает, то шею вытянет, приподнимет ноздри, противно сопит. Тоже пугает, — а может, подражаться зовёт.

Забьёт передними острыми копытами землю, начнёт скакать по загородке телёнком и хвост поднимет. А сам чуть не с лошадь.

Интересно мне рисовать!

Рисую — и ничего не вижу, кроме оленя.

Хрустнуло что-то сзади. Оглянулся. И ничего не могу понять. Идут на меня шесть кабанов гуськом, передний в пяти шагах от меня.

А решётка-то где перед ними? А решётки-то нет! Вырвались на волю!

Всё у меня из рук попадало. И полез я на Серёжкину загородку. Залез и сижу.

Подо мной с одной стороны Сергей буянит, на задних ногах ходит, меня хочет сшибить с загородки, растоптать, забодать.

Пена изо рта тянется.

А с другой — кабаны.

Громадные, с жёлтыми клыками, в щетине, как в щётке. Толпятся, на меня смотрят, не умеют голову поднимать, смотреть вверх. Сверху узкие, как рыбы, — только клыки торчат в стороны.

Прощай, моя акварель! Сжевали вместе с деревянным ящиком.

А что, если меня или ещё кого-нибудь так сжуют?

Делать что-то надо! Да что делать-то? Заорать — прибежит кто-нибудь на крик, а они — на него. Догонят, повалят!

Полезу лучше к забору. К забору — по загородке, за забором улица. По телефону в пожарную часть позвоню, администрации скажу...

Ползу, перебираюсь по загородке, будто по небоскрёбу. Свалишься — тут и смерть тебе: справа Сергей сопит, танцует, слева кабаны чавкают, идут толпой.

Верхняя доска на загородке подо мной качаться стала, старая совсем; вспотел я со страху.

Вдруг — крик:

— Сашка, Машка, Яшка, Прошка, Акулька!

Чуть я не слетел! Едва-едва удержался.

Маленький парнишка забежал в кабанью толпу и стегает кабанов хворостиной.

— Обратно! — кричит. — Я вас!

Повернулись кабаны. Простыми свиньями побежали в свой хлев — в свою клетку.

А парнишка их подгоняет прутиком.

Похрюкивают кабаны, бегут, хвостиками вертят.

Загнал в клетку и запер.

Тут я быстро-быстро с решётки слез, чтобы парнишка не заметил, и ходу из сада.

Стыдно стало. Кабаны-то ручные!

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

В прошлом году я всю зиму жил на Камчатке.

А ведь это самый край нашей Родины. Там я и весну встречал.

Интересно начинается камчатская весна, не по-нашему.

Как побегут ручьи, как вскроются камчатские речки, прилетает из Индии красный воробей-чечевица и везде поёт свою песню чистым, флейтовым свистом:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

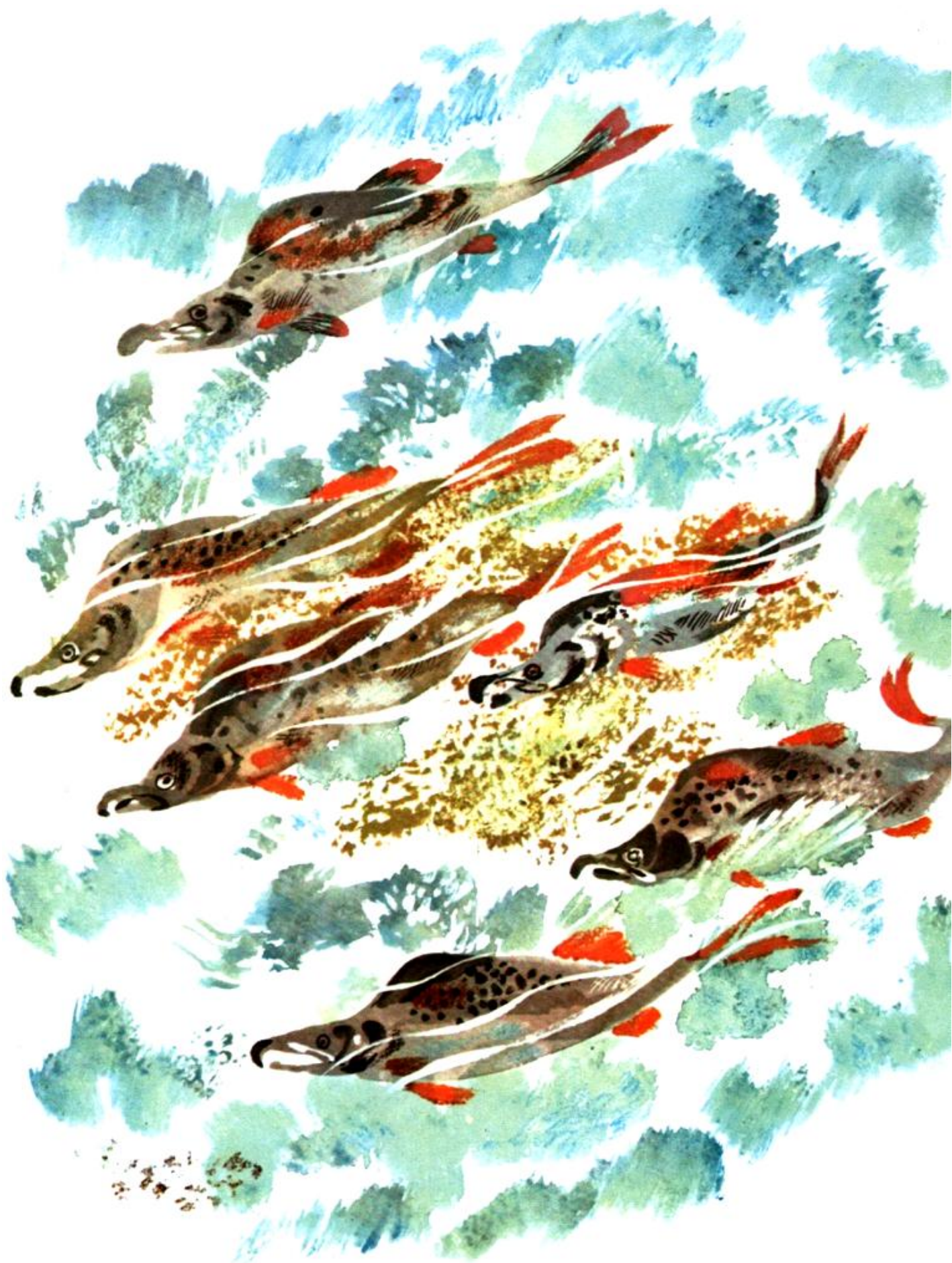
А чавыча — это такая рыба лососёвой породы. И тут-то начинается самое интересное в камчатской весне.

В это самое время вся рыба из океана заходит в речки, в ручьи, чтобы в самых истоках, в проточной пресной воде метать икру.

Идёт рыба табунами, косяками, стаями: рыбы лезут, торопятся, толкаются — видно, тяжело им: животы у них раздуты, полны икрой или молоками. Иногда они плывут так густо, что нижние по дну ползут, а верхних из воды выпирает.

Ох, как много идёт рыбы!

А говорят, в старину, когда на Камчатке было совсем мало людей, рыба шла ещё гуще. В старинных записях так

и сказано, что весло в реках стояло и против течения шло «попом».

Тут все жители рыбачат: мальчишки рыбу своими штанами ловят, взрослые сетями, сачками. Все радуются, галдят. И тоже спрашивают друг друга:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А она изредка проплывёт, эта чавыча — огромный, драгоценный лосось.

Плывёт она по дну среди мелкой рыбы-горбуши. Будто свинья с поросятами по двору проходит.

А через несколько дней вся эта рыба сваливается обратно, в солёную воду. Только уж не косяками, не табунами плывёт она, а вразброд, каждая по-своему. Кто — хвостом наперёд, а кого и по дну катит и выкатывает на берег, как гнилое полешко. Вся рыба еле живая, больная, «снулая». Выметала она икру и обессилела.

И теперь уже по всей Камчатке другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крикает, кто рычит, кто мяучит.

Дикие рыбаки рыбачат.

Когда пошла рыба в реки, я вместе со всеми кинулся её ловить. Несколько суток не отходил я от речки и спал на берегу. Вдосталь наловился. Устал. Пойду-ка, думаю, в

и сказано, что весло в реках стояло и против течения шло «попом».

Тут все жители рыбачат: мальчишки рыбу своими штанами ловят, взрослые сетями, сачками. Все радуются, галдят. И тоже спрашивают друг друга:

Чавычу видел?

Чавычу видел?

Чавычу видел?

А она изредка проплывёт, эта чавыча — огромный, драгоценный лосось.

Плывёт она по дну среди мелкой рыбы-горбуши. Будто свинья с поросятами по двору проходит.

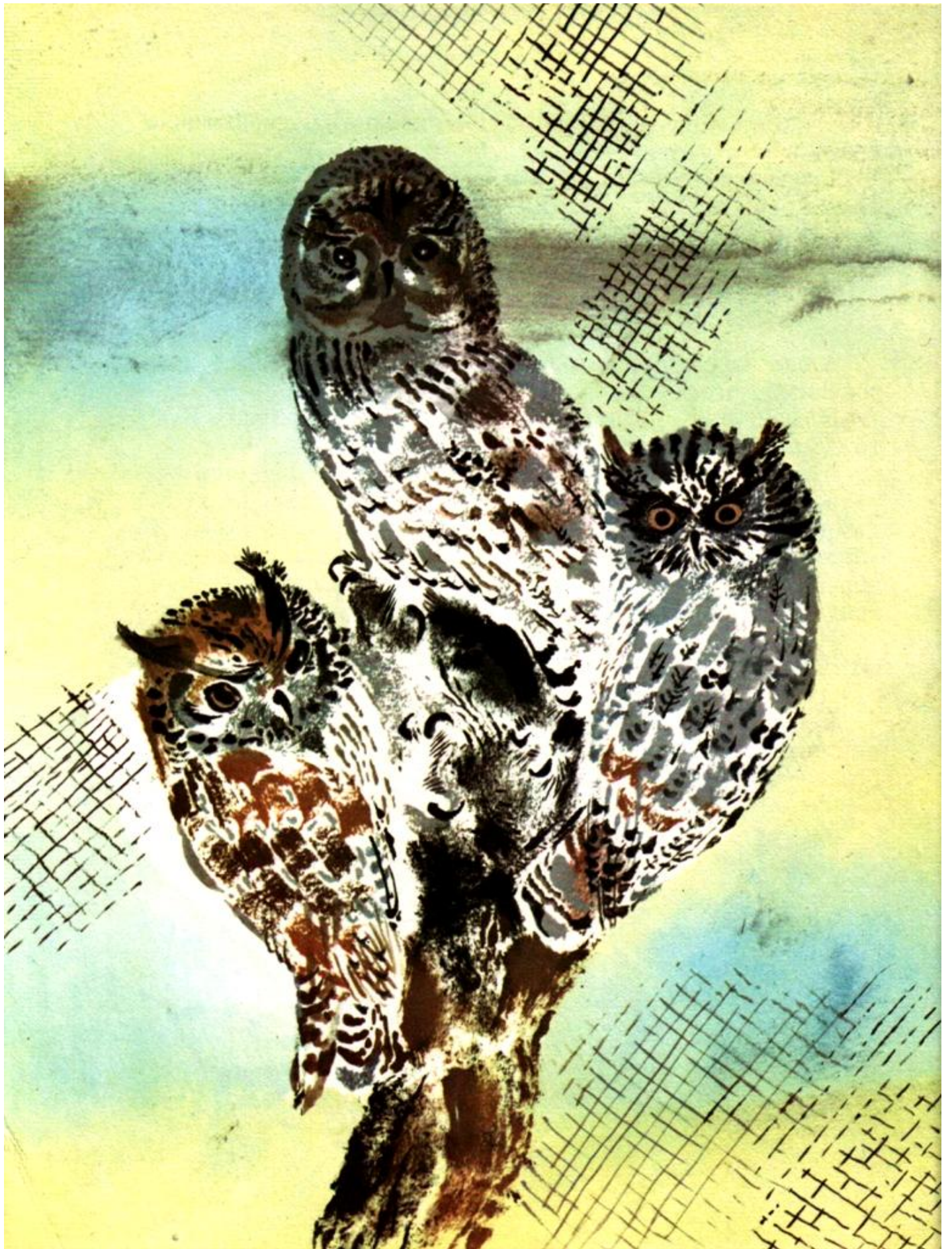
А через несколько дней вся эта рыба сваливается обратно, в солёную воду. Только уж не косяками, не табунами плывёт она, а вразброд, каждая по-своему. Кто — хвостом наперёд, а кого и по дну катит и выкатывает на берег, как гнилое полешко. Вся рыба еле живая, больная, «снулая». Выметала она икру и обессилела.

И теперь уже по всей Камчатке другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крикает, кто рычит, кто мяучит.

Дикие рыбаки рыбачат.

Когда пошла рыба в реки, я вместе со всеми кинулся её ловить. Несколько суток не отходил я от речки и спал на берегу. Вдосталь наловился. Устал. Пойду-ка, думаю, в

лес да и посмотрю заодно лесных рыбаков. Как-то они с делом справляются? И ушёл далеко-далеко от селения.

Хорошо весной в лесу! Берёзы распускают свои клейкие листья, стоят прозрачные, будто не деревья, а дымок зелёный. Среди них темнеют плотные ели и высокий можжевельник.

Воздух чистый, лёгкий, еловой смолой пахнет, молодым листом, прелой землёй.

И хор птичий... И флейта поёт, и трель рассыпается, и чёканье, и посвисты.

Солнце печёт вовсю. А тень ещё холодная.

Я подошёл к берегу речки, притаился и сразу увидел рыбака.

Ай да мужик-богатырь! Ростом с воробья. Рыба его раз в тридцать больше.

Это голоногий куличиха рыбачит. Вокруг рыбы бегаёт, суетится, клюёт. А рыбу из воды на берег выкинуло:дохлая.

Пищит кулик, ногами семенит.

Потом прилетели два ворона. Спугнули кулика, а сами рыбу не трогают.

Видно, уже поели досыта. Как сели на отмель, так и заснули. Сидят, носатые, чёрные, глаза закрыли. Налетели чайки с криком, с гамом. Стали потрошить эту рыбину. Одна голова осталась.

Наглотались чайки рыбьего мяса и дальше отправились. А вороны всё спят, не шевелятся.

Как удачно я выбрал место!

Тут у речки крутая излучина, и всё, что поверху плывёт, вода выкидывает на берег.

Пока я тут был, трёх рыб к берегу прибило течением.

Гляжу—с того берега по камням спускается лиса. Паршивая такая. Шерсть клочьями на боках висит, сбрасывает зимнюю шубу Лиса Патрикеевна.

Спустилась она к воде, воровато схватила ближнюю рыбу и спряталась с нею за камень.

Потом опять показалась, облизывается. И вторую рыбу утащила.

Вдруг лай, вой, визг поднялся: прибежали собаки дере-

венские да как бросятся с обрыва к воде, к лисице. Видно, учуяли её сверху. Лиса берегом, берегом наверх — и в лес. Собаки за ней.

Ну и я ушёл. Кого мне тут ждать?

Ни один зверь теперь не придёт сюда: собачьих следов испугается.

Снова я пошёл по ручьям и по речкам.

Видал, как другая лиса рыбу ела — смаковала. Выедала только спинки.

Ещё крохалю видал большого — с гуся. Он спал среди объедков. До отвала наглотался рыбы.

А потом и я прилёг и заснул незаметно. Разморило меня.

Долго ли спал — не знаю. Только вижу сон: будто делаю я какую-то замечательную вещь, не то самолёт, не то молотилку, а может, и башню какую. По порядку видится сон: сначала работал я, потом устал и тоже лёг спать. Лёг и громко-громко захрапел.

И потом во сне же соображаю:

«Да как же это так? Ведь я никогда не храплю. Не умею».

И тут у меня всё как-то спуталось. Уж я наполовину проснулся, а сон продолжаю видеть, что будто лежу и храплю.

Знаю, что это неправда. Сержусь даже.

Рассердился, проснулся, открыл глаза. Что за чудо? Храплю. Я даже испугался. Как так? Что такое?

Потом очнулся... Да нет, это не я храплю... И на храп совсем не похоже.

Это кто-то рычит неподалёку, фыркает, плещется.

Поднял я голову. Смотрю — в речке медведь сидит. Здоровенный медведь — старик камчадал. Вот тебе и сон с храпом!

А ружья у меня нет. Что делать? Убираться надо подобру-поздорову.

Начал я осторожно-осторожно отползать от речки... И вдруг задел за какой-то камень. Камень этот покатился и в воду — плюх! Я так и замер. Лежу не дышу и глаза закрыл. Сейчас задерёт меня медведь. Вот выберется на берег, увидит — и конец.

Долго я лежал, пошелохнуться боялся. Потом слышу: будто всё ладно. Медведь порявкивает на старом месте, ворчит. Неужели он не слышал, как камень плюхнулся в воду?

Глухой он, что ли?

Я осмелел и выглянул из-за кустов. А потом присмотрелся немного и совсем страх забыл. Этот медведь тоже рыбу ловил. И до чего чудно!

Сидит Михайло Иванович по горло в воде, только голо-

ва сухая из воды торчит, как пень. Башка у него громадная, мохнатая, с мокрой бородой. Он её то на один бок наклонит, то на другой: рыбу высматривает.

А вода совсем прозрачная, мне медведя всего видно, как он там орудует лапами, и туловище медвежье вижу.

К туловищу шерсть прилипла, и тело у медведя кажется не по голове. Головастый он такой получается. Маленький и головастый.

Сидит этот медведь. И вдруг что-то лапами стал в воде хватать.

Вижу — достаёт рыбу-горбушу. Прикусил он горбушу и... сел на неё.

Зачем это он, думаю, на рыбу-то сел?

Сел и сидит в воде на рыбе. Да ещё и проверяет лапами: тут ли, под ним ли?

Вот плывёт мимо вторая рыба, и её медведь поймал. Прикусил и тоже на неё садится. А когда садился, так, конечно, привстал. И первую рыбу течением из-под него утащило. Мне-то сверху всё видно, как эта горбуша покатила по дну. А медведь как рывкнет! Потерялась рыба. Ах ты! Непонятно ему, бедняге, что такое с его запасом делается, куда он девается. Посидит, посидит, да и пощупает лапой под собой: тут ли рыба, не убежала ли? А как схватит новую, опять я вижу: старая выкатилась из-под него — и ищи-свищи!

Ведь на самом деле обида какая: теряется рыба, и всё тут!

Долго-долго сидел он на рыбе, ворчал, даже пропустил две рыбины, не решился ловить; я видел, как они проплыли мимо. Потом опять — р-раз! Подцепил лапой горбушу. И опять по-старому: нет прежней рыбы.

Я лежу на берегу, хочется мне посмеяться, а смеяться нельзя. Попробуй-ка посмейся! Тут тебя медведь со злости съест вместе с пуговицами.

Громадную сонную чавычу натащило на медведя. Сгрёб он её, кладёт под себя... Ну, конечно, под ним пусто.

Тут медведь так обиделся, что и чавычу забыл, заревел во всю мочь, прямо как паровоз. Поднялся на дыбы, лапами бьёт по воде, воду сбивает в пену. Ревёт, захлёбывается.

Ну уж тут и я не вытерпел. Как прысну! Как захохочу! Услышал меня медведь, увидал. Стоит в воде, как человек, на двух лапах и на меня смотрит.

А мне до того смешно, что я уж ничего не боюсь — хохочу-заливаюсь, руками машу: уходи, мол, дурак, мочи больше нет! Уходи!

И на моё счастье, верно, так и вышло.

Рявкнул медведь, вылез из воды, отряхнулся и ушёл в лес.

А чавычу опять потащило течение.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему Тюпу прозвали Тюпой 5

Рис. Никиты Чарушина

О том, как Тюпа снова сделался маленьким 8

Рис. Никиты Чарушина

Почему Тюпа не ловит птиц 13

Рис. Никиты Чарушина

Томка 16

Рис. Никиты Чарушина

Как Томка научился плавать 18

Рис. Никиты Чарушина

Томка и корова 20

Рис. Никиты Чарушина

Томкины сны 22

Рис. Никиты Чарушина

Рябчонок 24

Рис. Никиты Чарушина

Как Томка не показался глупым 29

Рис. Никиты Чарушина

Медвежата 31

Рис. Никиты Чарушина

Захочешь есть — говорить научишься 38

Рис. Никиты Чарушина

Птичье озеро 43

Рис. Евгения Чарушина

Кабаны 55

Рис. Евгения Чарушина

Медведь-рыбак 65

Рис. Евгения Чарушина

ЧАРУШИН
Евгений Иванович

Выдающийся советский художник-график, а также автор замечательных рассказов о животных. Принадлежал к поколению таких мастеров детской книги, как В. Лебедев, В. Конашевич, Н. Тырса, Ю. Васнецов, В. Курдов и др.

Жил и работал в Ленинграде.

ЧАРУШИН
Никита Евгеньевич

Художник-анималист, заслуженный художник РСФСР. Живёт в Ленинграде. Книги В. Бианки, И. Соколова-Микитова, Н. Сладкова, Р. Киплинга и других авторов с иллюстрациями Н. Чарушина неоднократно удостоивались дипломов на всероссийских, всесоюзных и международных конкурсах.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Евгений Иванович Чарушин

ДРУЗЬЯ

Художники Н. Чарушин и Е. Чарушин

Редактор *И. Рязанова*. Художественный редактор *Д. Пчёлкина*.
Технический редактор *И. Жигмента*. Корректор *И. Пьяикова*.

ИБ № 2769

Сдано в набор 01.01.90. Подписано в печать 19.11.90. 60 x 90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 44,0. Уч.-изд. л. 8,11. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1799. Заказ № 105. Цена 3 р. 70 к. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., д. 5.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Министерства печати и массовой информации РСФСР, 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

4 4803010201—098 85—90
M102(03)—91

ISBN 5—213—00725—2

© Автор, илл. Евгений Иванович Чарушин
© илл. Никита Евгеньевич Чарушин

3 р. 70 к.

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя